Глава 6

Увы, порыв так и остался порывом.

Единственное, что Фэн Цзин мог себе позволить, — это по-детски омрачить весёлый ужин Гу Мочжэна.

Однако, хотя машина уже стояла в идеальной для этого позиции, он медлил, не решаясь нажать на клаксон.

За столиком Гу Мочжэна не умолкал весёлый гомон. Каждая тема была настолько увлекательной, что легко заглушала стук клавиш и звук голосовых сообщений, доносившихся с пассажирского сиденья, и полностью завладела вниманием молодого господина.

Он приехал слишком поздно. Разговор о том, почему Гу Мочжэн не взял номер телефона у Фэн Цзина и не дурак ли он, давно закончился. Теперь, под действием выпитого, беседа перешла в стадию бессмысленного и весёлого трёпа.

Но даже так их разговор был невероятно интересным.

— Я тут в интернете читал, — начал Чу Цюань, — мол, лучше плакать в «БМВ», чем смеяться на велосипеде. Если бы пришлось выбирать, что бы вы выбрали?

— Плакать в «БМВ», — ответил Ло Сы. — Это же «БМВ»!

— Вопрос ведь о соотношении материального и духовного, — заметил Цяо Линьчжи. — Я выбираю смеяться на велосипеде. Луна на небе и шесть пенсов на земле. Всегда найдутся те, кто поднимет голову к луне.

— Эй, так нечестно, — возмутился Ло Сы. — Теперь я выгляжу как мещанин. А можно выбрать смеяться в «БМВ»? Я хочу и то, и другое!

После взрыва смеха Чу Цюань повернулся к лидеру компании:

— А ты, Мочжэн?

Фэн Цзин, всё это время подслушивавший, навострил уши.

Благодаря предыдущему оратору суть вопроса стала ясна. Теперь ответ Гу Мочжэна неизбежно должен был обойти тему машин и велосипедов, став прямым выбором между материальным и духовным.

Хотя они были знакомы всего один день, юноша в машине был абсолютно уверен, что его знакомый выберет велосипед.

В конце концов, это был тот самый чудак, который предпочёл ему утку по-пекински!

«Если он не выберет "смеяться на велосипеде", то я, унизительно проигравший какой-то утке, со всей силы нажму на клаксон»

Спустя мгновение раздался бархатистый голос Гу Мочжэна, произнёсший чётко и ясно:

— Я выбираю плакать на велосипеде.

Все замолчали.

Фэн Цзин застыл.

«Плакать. На велосипеде. Плакать на велосипеде!»

«Он вообще человек? Чего он хочет? Что он задумал?!»

Ответ был настолько странным, что не только его друзья и Фэн Цзин, прятавшийся в салоне, готовы были вцепиться ему в воротник с расспросами, но даже посетитель за соседним столиком не выдержал и обернулся:

— Братан, а в чём логика?

— Ну, парень в «БМВ» плачет, а я смеюсь, — с серьёзным видом ответил Гу Мочжэн. — Невежливо как-то. Я поплачу вместе с ним, из сочувствия.

Все снова замолчали.

— Ты сочувствуешь или издеваешься? — скрипнув зубами, возразил Ло Сы. — Будь я на месте того парня, я бы вышел и набил тебе морду!

— А вот это было бы прекрасно, — улыбнулся Гу Мочжэн. — Тогда я бы сел в «БМВ».

В этой фразе был скрытый подтекст.

Между «парень из “БМВ” выходит набить мне морду» и «я сажусь в “БМВ”» была пропущена логическая цепочка: «потому что меня избили, я потребую компенсацию, которой как раз

хватит на покупку “БМВ”». Юноша не стал это разжёвывать.

Обычный человек не сразу бы уловил суть, потребовалось бы время, чтобы понять логический скачок.

Однако среди присутствующих нашёлся один, кто, повинуясь инстинкту или некоему подобию родства душ, миновал стадию размышлений и напрямую соприкоснулся с обнажённой душой Гу Мочжэна.

Фэн Цзин и его знакомый рассмеялись почти одновременно.

Один — в машине, другой — на улице. Их разделяло тонированное стекло, но выражения лиц были абсолютно идентичны, словно отражения в зеркале.

Руки молодого господина, лежавшие на руле, слегка дрожали, а уголки губ готовы были растянуться до ушей.

«Как же это забавно. Невероятно забавно»

Всё происходящее было похоже на дротики, которые один за другим точно попадали в самый центр мишени в его сердце.

Вне себя от восторга, Фэн Цзин вдруг о чём-то вспомнил и повернулся, чтобы поделиться услышанным с поглощённым работой Ци Мэйсянем.

Однако, встретившись с ним взглядом, он с удивлением обнаружил, что спутник не работает.

Причина была очевидна: машина слишком долго стояла на месте, и это заставило Ци Мэйсяня отвлечься от дел, чтобы проверить обстановку.

А значит, он, скорее всего, слышал всё, о чём говорил Гу Мочжэн.

Юноша почувствовал укол досады. Такую забавную историю не получится пересказать самому.

Ци Мэйсянь действительно слышал разговор и даже с интересом прокомментировал:

— Люди низшего сорта, однако, прекрасно осознают своё место. Знают, что им суждено плакать на велосипеде.

Улыбка застыла на лице Фэн Цзина, словно остывший воск.

Он мог мгновенно понять ход мыслей Гу Мочжэна, но совершенно не понимал, откуда взялось это высокомерие в словах его спутника.

— Что значит «низшего сорта»? — тихо спросил он после долгой паузы.

Собеседник, не заметив перемены в настроении, продолжал:

— Только они и едят в таких грязных забегаловках. Посреди ночи выставили столики на дорогу, мешают людям, создают пробки. Отбросы общества. Таким суждено прожить в нищете всю жизнь.

Фэн Цзин потерял дар речи.

В оглушительной тишине Ци Мэйсянь вдруг пошевелился.

К ужасу Фэн Цзина, он опустил стекло со своей стороны, высунулся и с отвращением на лице рявкнул:

— Дорогу уступите! Не видите, сколько мы тут уже стоим?

Фэн Цзин застыл.

Вся радость, которую он испытал мгновение назад, обернулась против него.

Когда компания за столиком, спотыкаясь, начала вставать и двигать стулья, юноша почувствовал себя тем самым идиотом, который плачет в «БМВ».

Если бы Гу Мочжэн сейчас проехал мимо на своём велосипеде — дерзко и свободно, — он, скорее всего, не стал бы ни плакать, ни смеяться.

Он бы просто не удостоил идиота в машине даже взглядом.

«Феррари», вильнув задом, с невероятной грацией вырвалась из узкого переулка.

Молодой господин, чувствуя, как горит лицо, изо всех сил давил на газ, спасаясь бегством. Даже отъехав на приличное расстояние, он не мог успокоить бешено колотившееся сердце.

Руки, слишком сильно сжимавшие руль, начали болеть.

Эта боль была настолько явной, словно предупреждение свыше — держись подальше от

опасности.

Ци Мэйсянь по-прежнему ничего не замечал. Увидев мрачное лицо Фэн Цзина, он решил, что тот злится из-за задержки, и счёл своим долгом его успокоить:

— Не сердись. Эти отбросы не достойны даже твои ботинки чистить. Злиться на них — себе дороже.

— Это студенты Университета Z, — процедил сквозь зубы Фэн Цзин. — Члены клуба бриджа.

— А, из клуба бриджа, — хмыкнул Ци Мэйсянь. — Я и не узнал. Студенческая жизнь и вправду может на время скрыть классовые различия. Но когда они выпустятся, всё вернётся на круги своя. Чернь останется на своём месте.

— …Ха.

Фэн Цзин бессильно усмехнулся.

Всего три месяца прошло с выпуска, а он уже смотрит на младшекурсников как на отбросов. Поразительно.

Если следовать его логике, то удачное рождение даёт право считать себя выше других.

Но в таком случае…

Кем же тогда был Ци Мэйсянь, которого семья Ци использовала для заключения союза с семьёй Фэн, и который мог укрепить своё положение в родном доме, только «выйдя замуж» за Фэна? Кем он был в глазах семьи Фэн, и особенно — в глазах самого Фэн Цзина?

***

Гу Мочжэн молча проводил взглядом уезжающий «Феррари», затем развернулся и, зайдя в шашлычную, заказал всё самое дорогое: устрицы, бараньи рёбрышки, шашлыки из ягнёнка, кальмаров. И ещё ящик пива.

Когда парень вернулся с подносом, уставленным деликатесами, его соседи остолбенели.

Все четверо были бедными студентами и прекрасно знали финансовое положение друг друга. И хотя сегодня платил Гу Мочжэн, все по умолчанию не заказывали самые дорогие позиции.

— Зачем так тратиться? — первым подал голос Ло Сы. — Не стоило…

— Мы же друзья, — подхватил Чу Цюань, — к чему такие церемонии.

— Уже заказал, — беззаботно ответил Гу Мочжэн. — Ешьте. Считайте, что смываем неудачу.

С этим его соседи были полностью согласны.

Сидели, ужинали, и тут какой-то идиот на «Феррари» наорал на них. Действительно, неприятно.

Впрочем, они понимали, что занимать проезжую часть неправильно, и не собирались придавать этому инциденту большого значения. Но Гу Мочжэн… казалось, воспринял всё всерьёз.

— Давайте тогда вскладчину, — предложил Цяо Линьчжи, беря устрицу. — А в следующий раз ты нас угостишь.

— Не нужно, — ответил Гу Мочжэн. — Ни тебе, ни мне. За этот ужин заплатит кое-кто другой.

— Кто это за нас заплатит? — расхохотался Ло Сы. — Ты что, бредишь?

— Ешьте, и всё, — загадочно улыбнулся Гу Мочжэн.

— Ну нет, я в это не верю! — Студент, хитро прищурившись, крикнул: — Хозяин, счёт!

Через пару минут хозяин, улыбаясь, вышел на улицу и громко объявил всем посетителям:

— Друзья, хорошая новость! Сегодняшний вечер за счёт заведения! Один большой босс оплатил все счета. Ешьте, пейте, всё за его счёт!

Среди посетителей поднялся гул:

— Надо же, бывает и такое!

— Что за дурак-богач? Совсем с ума сошёл.

— Чтобы в баре за всех платили — видел. Но чтобы в шашлычной? Первый раз такое!

— Хозяин, двадцать шашлыков из почек, двадцать из баранины!

— И ещё две бутылки пива!

В общем шуме Ло Сы, разинув рот, смотрел на Гу Мочжэна.

Тот с загадочной улыбкой медленно потягивал пиво.

— Да что с тобой такое? — парень, почти обезумев от любопытства, бросился к нему, пытаясь выхватить стакан. — Как ты узнал, что кто-то заплатит? Ты его знаешь?

Гу Мочжэн легко увернулся, допил остатки пива и небрежно выбросил пластиковый стакан.

Стаканчик, описав в воздухе изящную дугу, приземлился точно в урну с надписью «Вторсырьё».

— А-а-а, не томи! — Ло Сы был готов на стену лезть. — Кто это был?

Но Гу Мочжэн молчал, с холодным удовлетворением наблюдая за мучениями друга. Это была его месть за подзатыльник.

Кто ещё это мог быть? Конечно, Фэн Цзин.

Ци Мэйсянь, питавшийся исключительно в мишленовских ресторанах, и представить себе не мог, что Фэн Цзин — завсегдатай этой шашлычной.

В прошлой жизни Гу Мочжэн бесчисленное количество раз бывал здесь с Фэн Цзином. Они всегда ужинали в отдельной комнате для почётных гостей, которую хозяин держал специально для них.

Фэн Цзину было лень платить каждый раз, и он просто купил годовой абонемент, перечислив владельцу два миллиона. Они ели, сколько хотели, а сумма списывалась со счёта. Хозяин стал им почти как родной.

После смерти Фэн Цзина Гу Мочжэн приходил сюда один, и старик никогда не брал с него денег.

Ци Мэйсянь, так называемый «жених», ничего не знал о жизни Фэн Цзина.

Для Гу Мочжэна же Фэн Цзин десятилетней давности был как открытая книга. Он знал каждую его черту, каждый штрих его души.

Когда отвратительное лицо Ци Мэйсяня высунулось из окна с упрёками, Гу Мочжэн мгновенно

понял, почему красная «Феррари» так долго и странно стояла у них за спиной.

Молодой господин, скорее всего, хотел их напугать, но заслушался разговором. А потом его бестактный спутник всё испортил.

Извиниться напрямую гордость не позволяла, вот он и решил откупиться — щедро и с размахом. А чтобы не привлекать внимание, оплатил счета не только их столика, но и всех остальных.

Совершил доброе дело инкогнито, а его ещё и дураком-богачом назвали.

«Какой же он жалкий и одновременно забавный кот»

***

http://bllate.org/book/15989/1441727